

УДК 8; 821.161.1

UDC 8; 821.161.1

РОМАНЫ В. ПЕЛЕВИНА КАК ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

PELEVIN'S NOVELS AS THE MAIN PLOT OF ARTISTIC STRUCTURE

Безрукавая Марина Васильевна
к.фил.н., доцент
*Кубанский социально-экономический институт,
Краснодар, Россия*

Bezrukavaya Marina Vasilevna
Cand.Philol.Sci., associate professor
Kuban socio economic institute, Krasnodar, Russia

В данной статье речь идет о трех романах В. Пелевина, «Священная книга оборотня», «Ампир В», «Т» и их идейно-художественная структура. Формат статьи структурирован. Детально рассматривается сюжет, язык прозы, жанр. Обсуждаются наиболее важные идейно-художественные вехи

In this article we are talking about V. Pelevin and his novels such as "The Sacred Book of the Werewolf," "Empire V", "T" and their ideological and artistic structure. The article is structured. The plot, the language of prose, genre are described in detail. We have also discussed the most important ideological and artistic landmarks

Ключевые слова: СЮЖЕТ, ЯЗЫК ПРОЗЫ, ЖАНР, ЧЕЛОВЕК, ПУСТОТА, ПОСТМОДЕРНИСТ

Keywords: PLOT, LANGUAGE OF PROSE, GENRE, MAN, EMPTINESS, POSMODERNIST

В современном литературном процессе у В. Пелевина свое, давно определившееся место. Практически каждый год выходит новый объемный текст, который сразу же обстоятельно обсуждается критикой и становится литературным событием. Основные романы В. Пелевина – «Чапаев и Пустота», «Generation P», «Священная книга оборотня», «Ампир В», «Бэтман Аполло» - прочно вошли в контекст новейшей литературы, сделав авторский мир В. Пелевина узнаваемой структурой, идентифицируемой на основе ключевых знаков, известных как специалистам, так и рядовым читателям.

Назовем лишь некоторые из них. 1) Сюжет, вбирая многие признаки современности, устремляется к фантастическому, к истории, преодолевающей актуальные формы социальности в авторской фантазии. 2) Сатирическому отрицанию подлежат многие явления нового времени (политика, реклама, философия, сама организация постсоветской жизни), но сатира всегда оказывается в контекстах, которые предлагается воспринимать как «мистические» или «метафизические». 3) Язык прозы В. Пелевина заметно удаляется от литературной нормы, впитывая в себя разные образцы сленга последних десятилетий: все вопросы, включая

самые серьезные (или «как бы серьезные») обсуждаются при помощи сниженной, иногда ненормативной лексики, способствуя формированию жанра «анекдота» внутри объемного, романного повествования. 4) Практически каждый текст без особого труда может быть пересказан, но при этом основная смысловая нагрузка «падает» на мировоззренческие диалоги, в ходе которых самые причудливые персонажи способны подняться до статуса философа или учителя. 5) Ирония и сарказм, пародия и фарс лишь один из риторических потоков в прозе В. Пелевина; вторым потоком оказывается риторический комплекс, приводящий в четкому и постоянному появлению фигуры, которую можно назвать «сюжетом просветления». 6) Независимо от магистральной темы того или иного романа, повествование всегда обращено к актуальным проблемам русской и мировой истории, национального характера, массовой культуры и т.д. 7) Человек присутствует в романах В. Пелевина в двух основных вариантах: как «мусорное» существо, зависимое от самых разнообразных движений внешнего мира, далекого от истины; как «пустота», освободившаяся от всех влияний, от натиска цивилизации, часто выдающей себя за истину и единственно возможную форму жизни. 8) Множество знакомых читателю имен – исторических, религиозно-мифологических, литературных – насыщает пелевинский мир, при этом получая право на инверсию и почти обязательный гротеск, корректирующий или полностью меняющий классическое значение имени. 9) Авторское желание удивлять (и развлекать одновременно) начинается с заголовка: «Чапаев» сопрягается с «Пустотой», «Священная книга» с «оборотнем», «Бэтман» с «Аполло(ном)», «ампир» с «вампиром». 10) Лишь в редких, исключительных случаях тексты Пелевина не ставят перед собой задачу создать довольно четкий и структурно представленный образ мира – вселенной, в которой обитает человек, прежде всего современный.

Большинство указанных нами пунктов приближают к мысли о том, что В. Пелевин – безусловный постмодернист. Более того, он – писатель, создавший художественный мир, идеально отвечающий стандартной концепции «постмодернизма»: есть и «критика метарассказов», и «корректирующая ирония», и «эпистемологическая неуверенность», и разнообразные игровые технологии построения литературного текста.

«Пелевин — один из самых известных представителей постмодернистского направления в русской литературе, наиболее яркий выразитель эстетики постмодерна. Нравится нам это или нет, но мы живем в эпоху кризиса человеческого сознания, кризиса современной культуры. И именно постмодернизм, при всех его издержках, пытается художественно осмыслить это кризисное состояние мира, в игровой форме производя переосмысление и переоценку системы ценностей прошлого», - пишет Н. Примочкина [9]. «Видимо, с этим определением («Пелевин и постмодернизм» - М.Б.) стоит согласиться, поскольку только в такой игре Пелевин по-настоящему последователен. Буддийские притчи в его книгах могут быть удачным экспонатом истины, но они могут быть мгновенно осмеяны. Поэтому не Пелевин привязан к буддизму, а буддизм к Пелевину — в качестве детали конструктора. Пелевин собирает конструктор из знаков — и здесь он неизменен», - считает С. Сиротин [11]. О «мантии мистификации» пишет Ю. Щербина: «Данной метафорой я условно обозначила все многочисленные и по-пелевински неизменно завораживающие «тексты в текстах»: рукописи, якобы обнаруженные «в одном из монастырей Внутренней Монголии» («Чапаев и Пустота»), извлеченные с антресолей папки-скоросшиватели с философскими трактатами («Generation П»), найденные в московских парках компьютерные файлы («Священная книга оборотня»), рабочие тетрадки с конспектами лекций по гламуродискурсу («Ампир В») и т. д. и т. п. Все это

— обнаруженное, извлеченное, найденное — становится предметом спекуляции или розыгрыша, а иногда и того, и другого» [12].

Казалось бы, вопрос о сущностном постмодернизме В. Пелевина следует считать раз и навсегда решенным. Когда этого писателя читает представитель старшего поколения, воспитанный на реалистической словесности, он без малейших сомнений указывает на этот тип искусства как на «постмодернизм». При этом под «постмодернизмом» понимается не просто сформировавшийся метод, а некий «дискурс аморализма и безнравственности», позволяющей автору не испытывать никакой ответственности перед тем, что в реализме принято считать «правдой жизни».

Но, размышляя об идейно-художественной структуре мира В. Пелевина, нельзя не заметить авторского желания частой смены: саркастическая игра уступает место проповеди, а анекдотические сюжеты постепенно проигрывают погружениям в восточную философию. Следовательно, может быть поставлен непростой вопрос о присутствии модернистских интенций в контексте постмодернистского метода.

«Последние вещи Пелевина — не столько романы в классическом смысле этого слова, сколько замаскированные под романы трактаты, те же «Диалоги» Платона», - пишет М. Галина [2]. «Основные темы книг Пелевина – это присутствие героя в “плохой реальности”, его самопознание в сложной ситуации, существование личности в эпоху исторических катаклизмов, самоопределение человека в страшной окружающей действительности. Это проблемы личного выбора и социальной ответственности, художественного творчества и духовных поисков, страха смерти и надежды на спасение. На мой взгляд, очевидна общая воспитательная направленность его творчества. Проповедь, которая есть в его книгах, обращена именно к совести наших современников», - считает С. Гурин [3].

Слова М. Галиной о «трактатах» в духе Платона и указание С. Гурина на «общую воспитательную направленность творчества» (они, на наш взгляд, соответствуют действительности) противоречат однозначному признанию Пелевина как писателя-постмодерниста. По числу страниц «просветление» у В. Пелевина значительно уступает «саркастическому отрицанию», но количественный показатель не способен полностью затмить значения для мира В. Пелевина назидательных стратегий.

Приведем один любопытный пример, обратившись к статье Н. Примочкиной «На фоне классики». Этот текст – развернутая рецензия на роман В. Пелевина «Т». На наш взгляд, это произведение можно назвать романом «второго ряда», уступающим «Чапаеву и Пустоте» или «Священной книге оборотня». Но именно по этой причине роман важен: в нем самом значительном тексте приемы как правило обнажены и присутствуют в относительно открытом виде.

Обратим особое внимание на композицию работы Н. Примочкиной. На внешнем уровне пелевинского романа – трансформацию образа Льва Толстого в образ графа Т, который отдаленно напоминает классика и гротескно «взрывает» многие мотивы толстовского пути.

Но Н. Примочкина практически сразу же приступает к оправданию В. Пелевина: «Еще до выхода романа критики отмечали особое внимание и уважение этого писателя к русскому классику, его стремление вслед за поздним Толстым поставить свое искусство на службу философским и этическим идеям. Роман “Т”, на наш взгляд, убедительно показывает, что в этом смысле Толстой — наиболее близкий Пелевину писатель-классик» [9]. И далее: «Играя и шутя, Пелевин тем не менее вводит нас в мир основных идей и художественных образов Толстого — непротivления злу и опрощения, аристократической любви к патриархальному русскому крестьянству, к земледелию. На страницах романа появляется философствующая говорящая лошадь (намек на “Холстомера”), возникает

и остроумно пародируется сюжет с отрубленным пальцем из “Отца Сергия”, обыгрываются многие реальные факты биографии писателя: отлучение от церкви, поездки в Оптину пустынь, особый интерес к восточным философско-религиозным учениям и т.п.» [9].

В размышлениях критика В. Пелевина стремительно сближается с Толстым, но тут же появляется вопрос: чему же посвящен роман, где имена Толстого и Достоевского оказываются в ироническом контексте? «Пелевин пародирует не столько Толстого, сколько современных модных писателей, которые бригадным методом пишут о нем заказной роман», - пишет Н. Примочкина [9]. Как важный этический вывод звучат следующие слова: «Писатель становится злым сатириком, изображая современное российское общество с его погоней за наживой, безнравственностью и цинизмом. Он с сарказмом показывает, как ловко современные технологи, не гнушаясь ничем, приспособливают великие идеи и образы русской классики к низменным вкусам толпы» [9].

Это не частная оценка, данная Н. Примочкиной. То, что здесь действительно имеет место нравственная составляющая внешне постмодернистского текста, показывают высказывания принципиально иначе ориентированных критиков. «Путешествие к истине на границе смерти – главное, что роднит графа Т. с его великим прототипом. Последнее странствие Толстого превращено Пелевиным в универсальный сюжет человеческой жизни», - считает В. Пустовая [10]. Или позиция Л. Костырко: «Трудно не заметить, что в романе воспроизводится ситуация человека, вставшего на путь духовного самосовершенствования и именно потому не знающего, кто он и куда идет. Естественным образом включается в нее и читатель, который только взялся за чтение книги и еще не знает «всега» о герое, с которым уже отождествил себя» [5].

Сделаем промежуточные выводы на основе приведенной нами рецепции романа «Т». 1) Игровые технологии, с помощью которых

происходит трансформации имен и сознаний классиков русской литературы не означает авторского неуважения к ним. 2) Постмодернистские знаки, насыщающие текст романа, имеют прямое отношение к дизайну повествования, к его подчеркнuto литературному оформлению 3) На уровне содержания и философских интенций роман «Т» есть «обличение пошлости», «универсальный сюжет путешествия к истине» и представление «пути духовного самосовершенствования». Указанные нами три пункта позволяют признать, что «постмодернизм» для В. Пелевина не является окончательным, самым влиятельным словом, взаимодействуя (как минимум!) со стратегиями модернистского типа.

В дальнейшем, проясняя структуру романов В. Пелевина, будем опираться на три произведения: «Священная книга оборотня», «Ампир В», «Т». Следует отметить тщательно контролируемое автором жанровое смешение. В каждом тексте есть недвусмысленные знаки боевика – частые поединки, сражения, убийства, или диалоги, переходящие во встречи с применением оружия. Всегда присутствует герой, которого можно назвать мастером единоборств (Лиса в «Священной книге оборотня», граф Т в «Т», практически все вампиры, а в конце концов и главный герой Рама в романе «Ампир В»). Есть элементы триллера, связанные и с возрастающим в ходе сюжета напряжением, и с присутствием таких «мистических» существ, как многовековые лисы или вампиры. Присутствие разнообразных «буддийских персон» (особенно это очевидно в «Священной книге оборотня») не приводит к появлению однозначно восточного вектора текста и вступает во взаимодействие с жанром анекдота. Но тут же следует заметить, что В. Пелевин, хорошо знающий восточную философию и структурно-функциональное действие восточной словесности, соединяет анекдот с дзэн-буддийским жанром коана, создавая эффект «умного смеха», когда читатель, посвященный (даже весьма условно) в тайны внеритуальных «религий просветления», использует юмор для отторжения

от реальности, не имеющей отношения к истине. Как следствие, пелевинские тексты могут быть прочитаны в контексте жанра философского романа: объемные модели мироздания, устройство внешнего и внутреннего миров предлагаются прежде всего в «Священной книге оборотня» и «Ампире В». Причем в «Священной книге оборотня» одна из центральных линий – любовная, посвященная близким отношениям Лисы и Волка. Тенденция получит развитие в романе «Ампир В»: назвать этот текст «любовным романом» вряд ли возможно, но отношения Рамы и Геры, проходящие через весь текст, занимают видное место.

Все пелевинские роман активно риторичны. В них очень часто и подробно ведется «разъяснительная» работа. С большим желанием герои В. Пелевина обращаются к проблемам российской истории, стремясь прояснить ее смысл. Например, в романе «Священная книга оборотня»: «Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здоровым пять лет назад, уже сожрано. (...) Иногда мне кажется, что единственная цель русского существования – тащить ее по заснеженной пустыне, пытаясь найти в этом геополитический смысл и вдохновить им малые народы» [7, 102]. Или в романе «Ампир В»: «В фильме («Чужой» - М.Б.) эффективная форма жизни зарождалась внутри чужого организма и через некоторое время заявляла о себе оригинальным и неожиданным способом. В российской истории происходило то же самое, только этот процесс был не однократным, а циклично-рутинным, и каждый следующий монстр вызревал в животе у предыдущего» [6, 385].

В принципиальном смешении анекдота и философии в романах В. Пелевина обсуждаются технологические основы мироздания, его «проектные» контекст, позволяющие опытным «менеджерам» управлять

толпой, обращаясь к ней со словами, скрывающими правду. Так в романе «Ампир В» ключевыми лексемами, постоянно возвращающимися, становятся «гламур» и дискурс»: «Цель гламура именно в том, чтобы жизнь человека проходила в облаке презрения к себе. Это состояние, которое называют «первородный грех» - прямой результат потребления образов красоты, успеха и интеллектуального блеска. Гламур и дискурс погружают своих потребителей в убожество, идиотизм и нищету. (...) В этом переживании позора и убожества проходит вся человеческая жизнь», - сообщает Раме один из высокопоставленных вампиров [6, 91] «Главная культурная технология двадцать первого века, чтобы вы знали, это коммерческое освоение чужой могилы... Проект коммерческий, поэтому Федор Михайлович будет у нас не рефлексирующий мечтатель и слабак, а боец. Такой доверчивый титан, нордический бородатый рубака, зачитывающийся в свободное время Конфуцием...», - читаем о «проектной» составляющей современной жизни в романе «Т» [8, 142-143].

Движение к освобождению – стандарт сюжета в романах В. Пелевина: в «Ампире В» он выражен в меньшей степени, в «Священной книге оборотня» - в большей, но без идеи преодоления материально-душевного мира не обходится ни один текст. В «Т» граф, преодолевая фиктивную власть Ариэля и других низкопробных криэйторов чужих жизней, идет в «Оптину Пустынь». Речь, разумеется, идет не о конкретном русском монастыре, а о синтетическом образе, обозначающем путь к просветлению. Подобной функцией обладает «Радужный поток», о котором подробно говорят Желтый господин и Лиса А Хули в «Священной книге оборотня». «Ум – это безумная обезьяна, несущаяся к пропасти. Причем мысль о том, что ум – это безумная обезьяна, несущаяся к пропасти, есть не что иное, как кокетливая попытка безумной обезьяны поправить прическу на пути к обрыву», - объясняет «познавший» Соловьев в романе «Т» [8, 296].

Не быть собой, удаляться от фиксированных знаков своей душевной деятельности – один из законов пелевинской прозы. Поэтому так часто появляются волки-патриоты, вампиры-государственники, лисы-проститутки (и одновременно носители мудрости), писатели-симулякры и т.д.

Зона смеховой культуры и определенной несерьезности есть в каждом романе. Об этом пишет, например, В. Пустовая: «Если избегать формул, можно сказать, что книги Пелевина устроены как один и тот же фокус – с ящиком. Роман его выдвигается, как большой полый короб, куда кладутся добровольцы и аксессуары по вкусу: дорогие часы и мечты, красотки-ассистентки и зазевавшиеся зрители, – и после демонстрации заполненного нутра задвигается обратно, с тем, чтобы ничего не вернуть. Это против цирковых правил – но вполне отвечает задуманному эффекту: когда фокусник не возвращает нам самое дорогое, мы ощущаем острую, не обыденную радость. Нам становится легко и свободно, так, словно и мы исчезли с нашим самым дорогим и нас тоже никогда не вернут этому тесному темному залу с типовыми сиденьями» [10]. В еще более жесткой форме оценивает В. Пелевина Д. Володихин: : “Священная книга оборотня” — добротный рыночный продукт, выполненный грамотно, технично, в полном соответствии с современными маркетинговыми стратегиями. И до тошноты предсказуемый. О вступите, вступите в Радужный Поток! Истинно, истинно говорю вам, братья и сестры...» [1].

Видимо, сам В. Пелевин заинтересован в столь амбивалентном восприятии собственных текстов, когда «постмодернистская ирония» и «восточной просветление» образуют единство, обеспечивающее данному миру своеобразие и неповторимый синтез «коана» и «анекдота». «Текст Пелевина – это увлекательный учебник религиоведения и занимательный словарь современной мифологии, это философия “для бедных”, мифология “для чайников”, богословие в комиксах. Но если они кому-то помогут

обратиться к серьезным философским вопросам – уже хорошо. Жанр книг Пелевина называют “поп-метафизика”, но это все-таки метафизика, это нечто большее, чем то, что предлагает массовая культура», - пожалуй в этих словах С. Гурина наиболее точно определено место В. Пелевина в современной культуре и перспективы того метода, который представил писатель [3].

Список литературы

1. Володихин Д. Виктор Пелевин. Модификации (Священная книга оборотня // Знамя, 2005, №5); <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/5/vo16.html>
2. Галина М. Нежить, которая нас выбирает, Или еще раз о «вампирических романах» Виктора Пелевина //Новый Мир, 2013, №8; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/8/20m.html
3. Гурин С. Пелевин между буддизмом и христианством // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>
4. Каспэ И. Низкий обман, или Высокая реальность (Рец. на кн.: Пелевин В. Священная книга оборотня. Роман. М., 2004) // НЛЮ, 2005, №71; <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ka22.html>
5. Костырко Л. Два Льва (Виктор Пелевин. Т. М., «Эксмо», 2009, 384 стр.) // Новый Мир, 2010, №3; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/3/ko15-pr.html
6. Пелевин В. Ампи В. М., 2006.
7. Пелевин В. Священная книга оборотня. М. 2005
8. Пелевин В. Т. М., 2009.
9. Примочкина Н. На фоне классики (Рец. на кн.: Пелевин В. Т.: Роман. М., 2009) // НЛЮ, 2010, № 105; <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/pr33.html>
10. Пустовая В. Ничё о ником: апофатик Пелевин // Октябрь, 2010, №6; <http://magazines.russ.ru/october/2010/6/pu12.html>
11. Сиротин С. Виктор Пелевин: эволюция в постмодернизме // Урал 2012, №3; <http://magazines.russ.ru/ural/2012/3/ss11.html>
12. Щербинина Ю. Who is mr. Пелевин? // Континент, 2011, №150; <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/s39.html>

References

1. Volodihin D. Viktor Pelevin. Modifikacii (Svjashhennaja kniga oborotnja // Znamja, 2005, №5); <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/5/vo16.html>
2. Galina M. Nezhit', kotoraja nas vybiraet, Ili eshhe raz o «vampirskih romanah» Viktora Pelevina //Novyj Mir, 2013, №8; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/8/20m.html
3. Gurin S. Pelevin mezhdru buddizmom i hristianstvom // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>
4. Kaspje I. Nizkij obman, ili Vysokaja real'nost' (Rec. na kn.: Pelevin V. Svjashhennaja kniga oborotnja. Roman. M., 2004) // NLO, 2005, №71; <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ka22.html>

5. Kostyrko L. Dva L'va (Viktor Pelevin. T. M., «Jeksmo», 2009, 384 str.) // Novyj Mir, 2010, №3; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/3/ko15-pr.html
6. Pelevin V. Ampir V. M., 2006.
7. Pelevin V. Svjashhennaja kniga oborotnja. M. 2005
8. Pelevin V. T. M., 2009.
9. Primochkina N. Na fone klassiki (Rec. na kn.: Pelevin V. T.: Roman. M., 2009) // NLO, 2010, № 105; <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/pr33.html>
10. Pustovaja V. Nichjo o nikom: apofatik Pelevin // Oktjabr', 2010, №6; <http://magazines.russ.ru/october/2010/6/pu12.html>
11. Sirotin S. Viktor Pelevin: jevoljucija v postmodernizme // Ural 2012, №3; <http://magazines.russ.ru/ural/2012/3/ss11.html>
12. Shherbinina Ju. Who is mr. Pelevin? // Kontinent, 2011, №150; <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/s39.html>